

V. КУПЕЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ

Грандиозной и впечатляющей панораме итальянского общества на исходе средних веков, запечатленной в „Декамероне“, придают особую живость и выразительность рассказы о похождениях и странствиях купцов — настоящие художественные фрески, в которых отразилось все многообразие торговой жизни XIII—XIV веков. Выдвижение на первый план общественной жизни класса купцов¹, явившееся поворотным моментом в истории Италии, в „Декамероне“ впервые в европейской литературе стало достоянием высокого искусства. Этот поворотный момент подготовили истинные герои своего времени, наделенные необыкновенной предприимчивостью и упорством, люди, стремившиеся подчинить своему влиянию Европу и Восток. Именно их, не понятых и неверно обрисованных Зомбартом*, мы воспринимаем в „Декамероне“ как людей исключительных по своей природе.

Отчужденно и холодно взирает на них Данте, с аристократическим презрением отзывавшийся о „пришельцах“ и о „наживе“. Нет места купеческой среде и в творчестве такого утонченного литератора, как Петрарка, который либо не желает до нее слизойти, либо совсем ее не замечает. Купеческая жизнь остается где-то на заднем плане даже в исторических сочинениях („Хроника“ Дино Компани) и в стилизованном повествовании „Новеллино“. И наоборот, она неудержимо врывается в „человеческую комедию“ „Декамерона“, а ее бьющая ключом энергия подчиняет себе все повествование. Мало сказать, что реальные истории, лица, быт торговой среды, ее обычай и нравы окрашивают более половины новелл яркими и насыщенными красками, свойственными колоритному миру купцов. Уже сам факт, что Боккаччо отводит в „Декамероне“ центральное место купеческой среде, которая придает книге культурную и общечеловеческую ценность, указыва-

ет на то, что мысль о ее воплощении в литературе владела его творческим сознанием от замысла до исполнения.

Грандиозную тему „человеческой комедии Средневековья“, картину единоборства человека с великими силами (Судьбой, Любовью, Разумом), когда проявляются все его дарования и способности, можно было в ту эпоху раскрыть, только обращаясь к жизни купцов, которая позволяла с наибольшей убедительностью показать человеческую доблесть. Идеальные рыцари ушли в прошлое, о них оставалось лишь с грустью вспоминать. Именно купеческая среда на рубеже XIII—XIV веков выдвигала наиболее энергичных и отважных героев, готовых к единоборству с силами, что господствуют над всеми людьми. Именно в этой среде „человеческое древо“, выражаясь словами Стендоля, давало теперь наиболее жизнеспособные побеги. Купцы колесили по свету, им постоянно приходилось бороться с превратностями Судьбы, они всегда были готовы выказать свою смекалку и находчивость в различных любовных перипетиях. И, наконец, они постоянно стремились с помощью Разума восторжествовать над действиями и кознями других.

Купцы были настоящими пионерами позднего Средневековья. По словам одного из наиболее компетентных исследователей², они обладали „широкой взглядов, живым умом, основательными познаниями, честолюбивыми устремлениями и гордыней“, отличались „упорством и отвагой“. Эти сильные личности повсюду вели себя так, что „правители старались их обласкать, а простой народ смотрел на них с озлоблением. Купцы возвращались домой, обогащенные опытом и сокровищами, и использовали то и другое для достижения своих политических целей“, вкладывали сокровища в произведения искусства, превращали их в роскошные общественные здания и частные дворцы, в храмы и монастыри, которые увековечили для потомков культуру той эпохи. Описание роскошной жизни семейства Барди и Перуцци похоже на сказку. „С одной стороны, здесь были блестящие дворы, где этих купцов принимали с почтением, которое подобает тем, кому властелины доверяли сам символ своей власти — свою корону. В пользу купцов властелины отказывались от своего права собирать подати, на них они полагались даже в своих политических начинаниях. С другой стороны, перед нами роскошные дома самих купцов. В них они вели образ жизни, подобав-

ший разве что князьям,— большинство остальных людей того времени жило гораздо скромнее. В этих домах*, за недостатком роскошных общественных зданий, купцы принимали царственных особ с их большими свитами. А в лавки, расположенные на первом этаже этих домов, непрерывным потоком стекались люди из разных стран, прибывали вестники из самых отдаленных концов света. Сколько же самых различных золотых монет стекалось к купцам в сундуки, которые они тщательно стерегли! За стенами города, насколько хватал глаз, среди виноградников и оливковых рощ виднелись господские дома с гербами купеческих семейств. А скромные и бедные дома работников лишь свидетельствовали о том, что множество людей трудились на этих „магнатов“. Встают и другие картины: в строго украшенных залах синьории степенные купцы в дорожных плащах, отложив в сторону набитый деньгами кошелль, забыв про соколиную охоту и привязав коня у входа во дворец, ведут переговоры на равных с анжуйскими принцами, с королем Франции, с римским папой; добиваются изгнания для одних, милости для других, заступаются за обиженных и вполне могли бы с гордостью произнести фразу: „Государство — это мы“, которая будет сказана через несколько веков³.

Все итальянское общество было взбудоражено активной деятельностью предпримчивых и удачливых купцов, главным центром которых стала Флоренция, а главным орудием — флорин, заменивший византийские гиперпери* и арабские динары. Еще в кругу своей семьи, в юные годы, Боккаччо был свидетелем увлекательных эпизодов купеческой жизни. Отец Боккаччо и братья отца были купцами. Но главное — все они были агентами и „проверенными“ торгового дома Барди, являвшегося, по выражению Дж. Виллани, вместе с Перуцци и Аччаюоли „опорой христианского мира“, и в этом качестве более сорока лет колесили по торговым путям Европы между Францией, Неаполем, Парижем и большими французскими ярмарками. Даже в своих поздних латинских сочинениях Боккаччо взволнованно вспоминает о захватывающих путешествиях и нередко страшных приключениях, о которых ему рассказывал отец. И сам он рано приобщается к торговой жизни. Выучившись еще мальчишкой неплохо считать, Боккаччо попадает на заре своей юности в Неаполь. Там в торговой части города, рядом с лавкой Фрескобальди, Барди дер-

жали свою банкирскую контору. Эту часть города Боккаччо опишет затем во всех подробностях в новелле об Андреуччо из Перуджи, где она играет роль зловещей декорации, на фоне которой происходят ночные мытарства героя. Годы своей юности Боккаччо проводит в Неаполе за прилавком: он принимает клиентов, взвешивает и считает монеты, ведет „расчетную книгу“, „кассовую книгу“, „вексельную книгу“, „книгу движения товаров“, просматривает счета и помогает в составлении баланса для „компаньонов“, а также выполняет все другие обязанности „ученика“. Именно здесь писатель пережил и ощущил все трудности и опасности купеческой жизни, столкнулся с изощренностью ума, дерзкой отвагой и кознями. Пересчитывая и взвешивая различные монеты, записывая товары в торговую книгу, он воочию познакомился с торговой практикой. Он постоянно встречался с новыми и новыми людьми из самых различных стран, которые собирались в лавке не только для торговых сделок — здесь ожидали курьеров с различных рынков, сравнивали и обсуждали полученные вести. Яркие и необычные рассказы, которые Боккаччо слышал от родных и друзей, подкреплялись собственным его опытом (т. е. реальной действительностью), придававшим художественному вымыслу достоверность и определенность.

* * *

Впечатления, которые Боккаччо вынес из долгого общения с купцами, отразились в посвященных им новеллах, придали этим новеллам четкость рисунка и безукоризненную ясность — качества, сделавшие их привлекательными. Их сюжеты тесно связаны с купеческой средой, которая иногда оказывается в центре повествования. Холодная расчетливость и нечестивость Шапелето, достигающие кульминации в конце новеллы, выделяются даже на фоне всеобщего цинизма и жестокости, которые царили в купеческой среде и — в полном соответствии с обычаями и нравами этой среды, документально засвидетельствованными — определили поведение Мушьянто Францези и братьев-ростовщиков. Опрометчивое простодушие Андреуччо, из-за которого начинается вся фантасмагорическая цепь приключений, все более и более неожиданных, проявляется в самом обычном, хотя и неосторожном, жесте героя, когда он торгуется на рыночной площади в Неаполе, где был

один из самых оживленных и знаменитых лошадиных торгов. Стремительные взлеты и падения в бурной судьбе Ландольфо и Мартуччо особенно заметны на фоне нравов, господствующих в караванах морских судов, и той легкости, с какой предпримчивые и смелые купцы превращались в пиратов (такое превращение жителей острова Липари, уроженцем которого был Мартуччо, документально подтверждается). Поэтическая тема любви и смерти воплощена в образах Симоны и Сальвестры во всем целомудренном обаянии, возникающем благодаря непрятязательному фону скромного мира ремесленников, изображенного автором с поразительной точностью, воссоздающей поведение „мастеров“, „управителей“, „подмастерьев“ (которые, как и сам Боккаччо, отправляются в чужие края „ремеслом своим заниматься“), „учеников“, „ремесленников“, „прях“ (Симона — первая мечтательно-грустная пряха, которая встречается в нашей литературе). Озорная, лукавая новелла о том, как обманули друг друга Салабаэтто и красавица сицилиянка, так бы и не возникла в „Декамероне“, если бы Боккаччо не знал во всех подробностях—не только понаслышке, но и на собственном опыте,— как в портах действуют склады, как функционирует система поручительств и задатков. Детали, подмеченные Боккаччо в реальной жизни, придают динамичный характер всему повествованию, становятся его основой. Благодаря им купеческая среда, как никакая другая, обретает яркие, живые черты, которые затем утратятся в нашей прозе. Начиная с Серкамби* и кончая новеллистами XVI века, изображение этого мира в новеллистике превратится в одно из общих мест, в слабый отблеск ослепительного образца, каким был „Декамерон“. Причастность Боккаччо к миру купцов позволила ему представить себе современную жизнь не только одного города, деревни, области или Италии, но и всей цивилизованной Европы и опасного Средиземноморья, иными словами, она позволила ему увидеть то огромное поле деятельности, где искали приложения своей предпримчивости купцы, подлинные Одиссеи торговли; объять пространство, которое непрестанно пересекали во всех направлениях их замечательные стремительные вестники. Тосקנה и Флоренция (Сиена и Пиза), которые в те времена были средоточием торгово-финансовой деятельности, естественно, оказались в центре „художественной географии“ новелл „Декамерона“. Не менее

ярко и точно воспроизведен облик и других областей Италии — бегло очерченный, но очень колоритный характерный фон, на котором протекает действие.

Вот Пьемонт, возникающий в „Декамероне“ почти в сказочном свете (I, 6; X, 10), окраинная область Италии, где, за исключением Асти, все еще сохраняется замкнутый феодальный мир, суровые нравы горцев. На другом конце дуги Альп — Фриули, „рай студеный, однако же увеселяющий взор красивыми горами, множеством рек и прозрачными родниками“ (X, 5), — красочностью описания Боккаччо обязан воспоминаниям купцов-земляков (и даже, может быть, родственников) Лапо и Лодаринго из Чертальдо. По мере того как мы попадаем в те области, которые вели активную торговлю с Европой — иногда открыто и ожесточенно конкурируя с флорентийскими и сиенскими компаниями, — „художественная география“ „Декамерона“ приобретает все более определенные очертания. В описании той или иной местности, ее жителей чувствуются отголоски торгового соперничества и конкурирующих торговых союзов, являвшихся зачастую и политическими. Славная своей торговлей Венеция, недоверчиво и ревниво посматривавшая на Флоренцию, обрисована Боккаччо в „Декамероне“ с оттенком презрительной враждебности. Он наделяет ее жителей такими качествами, как продажность, вероломство и легкомысленная болтливость. Так на венецианцев смотрели тосканские купцы, так, безусловно, отзывались о них и друзья Боккаччо из Романьи (IV, 2; VI, 4; см. также II, 1)⁴. В то же самое время великая соперница Венеции Генуя (дружба с которой была из-за затяжных распрей с Пизой одной из основ флорентийской политики в XIV в.) предстает перед нами в лице целого ряда купеческих фигур — людей деятельных, настойчивых, жестких до скаредности, но и не лишенных самых благородных порывов души, верных старинному, незыблемому понятию чести (I, 8; II, 8—10). Столь же превозносит Боккаччо и честь их жен. Вокруг этих двух великих республик panorama расширяется, становится красочнее: с одной стороны, перед нами утонченная и куртуазная жизнь в городах Венецианской республики от Тревизо до Вероны (II, 1; I, 4), с другой — суровая красота восточного и западного побережий с их замками, преуспевающими городами и землями, которые благодаря купцам как раз и стали давать доход (Мулаццо, Леричи,

Финале, Альбенга, Монако — I, 4; II, 6, 8—10; VIII, 10). Более отчужденно и гораздо реже Боккаччо описывает Ломбардию и Милан — может быть, потому, что торговые и финансовые операции этой области не достигали к тому времени значительного размаха и велись с такими странами, как Швейцария и Германия, довольно далекими от интересов тосканских торговых компаний. А может быть, и потому, что флорентийские политики в эти годы относились очень недоверчиво и даже враждебно к Ломбардии и ее правителям. Милан, однако, не считая других кратких упоминаний, все же появляется в „Декамероне“ в новелле, где закручиваются сложные отношения между немцем и одним из тех ломбардских заемодавцев, слава о которых шла по всей Европе (VIII, 1). Город Павия, бывший за три века до Боккаччо одним из главных центров торговли между Востоком и Западом, — в XIV веке все еще помнили об этой золотой поре — становится фоном не только широкого полотна лангобардской жизни в новелле о Тейделинге (III, 2), но и идеальной, возвышенной картины купеческой жизни, картины, где христианское благородство встречается с арабским великодушием (X, 9). Другого происхождения брешианский фон в новелле об Андреоле.

О Падании напоминают нам и образы предпримчивых „дельцов“ из Эмилии, ломбардов в тогдашнем значении слова (то есть ростовщиков)⁵, и описание их богатых городов, примечательных своей неповторимостью. Пьяченца — ее купцы соперничали с флорентийскими во Франции; их неуемная жизненная энергия воплощается в „Декамероне“ в циничной дерзости одного из уроженцев Пьяченцы — Амброджоло (II, 9). Модена и Болонья — богатые торговые города, славные своей аристократичностью и ученостью (I, 10; II, 2; VII, 7; VIII, 9; X, 4). Феррара — в XI веке здесь был главный рынок шелка, импортируемого с Востока, а теперь оттуда, несмотря на войны и опасности, которые подстерегали путников в пути, отправлялись караваны в венецианские земли (II, 2; см. также VIII, 10). Фаенца, Форли, Равенна, Имола, Римини и другие более мелкие города Эмилии, наконец, провинция Романья, к которой флорентийцы питали особую симпатию и которую знал по собственному опыту сам Боккаччо (IV, 2; V, 4, 5, 8; VII, 5; см. также III, 7)⁶.

От внимательного взгляда автора „Декамерона“ не ускользают даже те области, история и жизнь которых были

в те годы скрыты тенью, как не ускользнули эти области от флорентийских торговых компаний. Области Марке и Абруццы, главные перевалочные базы для Аччаюоли, Перуцци, Барди — у них были филиалы в Анконе и Аквиле (см. III, 7; IX, 4) — и для тех, кто торговал между Флоренцией и Неаполем, возникают в расплывчатом, полу-сказочном-полуироническом свете в речах Мазо дель Саджо и брата Луки. В этом гротескном описании можно все же различить отголоски торговых связей эпохи (VIII, 3; VI, 10; см. также III, 7; V, 5; VIII 5; IX, 4). Перуджа, которая поставляла Неаполитанскому королевству вестников и курьеров,— родина Андреуччо, „лошадника“ (II, 5). На фоне этого города с его незабываемой центральной площадью происходят невероятные приключения семейства Винчоло; из этого семейства были родом управляющие в Абруццо, назначавшиеся по указке Аччаюоли (V, 10). Горькая картина Рима и Лациума, где во время „авиньонского плена“ пап господствовали хаос и запустение, запечатлена в новелле об Аньолелле; возникает мрачный пейзаж римских окрестностей, где на каждом шагу флорентийских купцов, следовавших по дороге в Неаполь, поджидали засады и неожиданности (V, 3); вполне понятно, что отдельно надлежит рассматривать упоминания о Риме, когда там находился папский престол,— мы их находим начиная с I, 2 и по X, 2).

Неаполитанское королевство, после Тосканы, было для флорентийских компаний, как и для Боккаччо, самой важной частью Италии. Соответственно и в „Декамероне“ оно нарисовано, несомненно, самыми яркими и живыми красками. Именно в этом королевстве происходят полусказочные истории, героями которых являются принцы и рыцари,— литературные грезы о светлом, легендарном времени, которому суждено навсегда уйти в прошлое. Но жизненность и конкретность изображения неаполитанской среды восходят все к тем же ярким впечатлениям, вынесенным Боккаччо из непосредственной причастности к купеческой жизни. Апулия, которая славилась винами, многолюдными ярмарками и имела торговые связи главным образом с Византией, возникает в новеллах о Ландольфо Руфоло и доне Джанни (II, 4; IX, 10): наглядность в изображении ее пейзажа и обстановки напоминает о том, что Боккаччо здесь бывал и знал эти земли, когда был „учеником“ банкирского дома Барди, держав-

шего здесь свои филиалы. А с нищей, пустынной Калабрией связываются в „Декамероне“ лишь отголоски того ужаса, который в те времена испытывали перед пиратами (V, 6). Но по-настоящему на юге Италии были два главных центра, которые больше всего притягивали купцов и чаще всего возникают в новеллах Боккаччо: с одной стороны, Неаполь и Кампания, с другой — Сицилия. Не будем напоминать, с какой потрясающей точностью рисует Боккаччо в новелле об Андреуччо картину портовых кварталов Неаполя, где жили контрабандисты (ту же точность описания, при всем различии ситуации, можно обнаружить в новеллах о Кателле, Перонелле и Маццео). Воспоминания о некогда процветавшей в Амальфи торговле вызывают в его воображении весь Амальфийский берег, где „утопают в садах городки, текут ручьи; в городках проживают состоятельные люди, у которых торговля идет бойче, чем где бы то ни было“ (II, 4); возникают пленильные картины Салерно, Неаполя и Гаеты с их заливами и островами (Иския, Прочида, Понца), ярмарками (из них особой известностью отличалась ярмарка в Салерно — VIII, 10) и оживленными городками от Равелло до Капуи. Эти воспоминания проявляются во всей непосредственности в целом ряде новелл (II, 4, 6; IV, 1, 10; V, 6; VIII, 10; X, 5 и т. д.). Не забыта и Сицилия. Боккаччо создает обаятельную картину Палермо, Мессины, Трапани, Катании, где господствовали тосканские купцы; описывает другие города и прилегающие к Сицилии острова с их сурвой, залитой солнцем природой (Устика, Липари). Эта часть Италии изображена в новеллах как богатый, приветливый край, вытянувшийся по направлению к легендарным саракинским странам, наводившим на всех страх.

И другой большой итальянский остров, Сардиния, где Барди имели своих агентов и управителей и вели торговлю зерном, также возникает на страницах „Декамерона“, хотя и в неясных, неопределенных очертаниях; через него непременно проходили все морские пути западного Средиземноморья между Африкой и провансальскими и каталонскими портами (II, 7; IV, 4; см. также III, 8; VI, 10).

Куда бы ни направлялись маршруты наших купцов, где бы ни находила себе применения их предприимчивость, за ними в поисках персонажей, места действия, пейзажа следует и воображение Боккаччо, впитавшего прямо или косвенно их опыт. И все это воспроизводит Боккаччо с такой точно-

стью и наглядностью, вкладывая весь свой опыт общения с людьми и с миром наиболее деятельных представителей буржуазии, что не приходится удивляться возникновению в Италии множества легенд о пребывании и приключениях писателя в тех местах, которые он описывает: от Удине до Равенны, от Феррары до Палермо. Они сложились в фантастическую и на редкость живучую легенду, которую можно сравнить разве что с дантовской⁷.

Европейский и средиземноморский фон, на котором развертываются приключения, более того — героические „походы“ (поиски) купцов, необыкновенно расширяют, по сравнению с прошлым, географический кругозор нашей литературы. За Альпами открываются, изображенные не менее конкретно и наглядно, чем итальянские земли, широкие поля и богатые города Франции, Прованса, Бургундии, Фландрии (I, 1, 2, 5, 6; II, 3, 8, 9; III, 9; IV, 2, 3 8, 9; VII, 7; X, 2 и т. д.), а по ту сторону Ла-Манша — города Англии и даже Шотландии и Ирландии (III, 3; II, 8). Все эти края прибрали к рукам наши торговые компании, особенно Барди и Перуцци, — они сулили доход быстрый, богатый, верный. Лютая алчность Францези и холодная расчетливость Шапелето и братьев-ростовщиков бросают зловещий свет на эти земли (I, 1). От циничного зубоскальства купцов, собравшихся в задымленной парижской таверне, равно как от повествования об изменчивой судьбе братьев Ламберти, веет духом дерзкой, неиссякаемой предпримчивости, окрашивающим изображение всей среды (II, 9; II, 3). Благородство молодого Алессандро или мечтательность Лодовико неожиданно озаряют этот суровый, вечно спешащий мир светом великодушия и куртуазности, которые благоприятствовали великому расцвету культуры и искусства, порожденному могучим подъемом экономической жизни (II, 3; VII, 7). На окраине более знакомых Боккаччо европейских земель возникают в „Декамероне“ Испания и Каталония, куда непременно заглядывали купцы во время своих опасных торговых путешествий по суше и по морю (там, в частности, особенно успешно торговали Перуцци). Упоминает Боккаччо и Германию, страну замкнутую и такую же буйную, как ее наемные солдаты, бывшие, однако, хорошими клиентами наших заимодавцев (VIII, 1; см. также II, 1).

Но по-настоящему широкий простор для воображения Боккаччо, который опирается на те познания, что он при-

обрел в Неаполе, и на историю известной поездки Аччоюоли, открывают моря, омывающие Грецию и знаменитые порты Мореи; восточное Средиземноморье, усеянное островами, где человека преследуют ветры, войны, пираты, неожиданности и самые различные злые силы; где господствует Константинополь, перевалочный пункт на торговых путях, что вели с Востока к Черному морю и богатому порту Кафе (II, 4, 7; III, 7; V, 1; VIII, 10); западное Средиземноморье, воспроизведенное в „Декамероне“ более точно, ибо оно было более известно благодаря регулярным торговым связям с Провансом, Каталонией и Балеарскими островами (там были филиалы Барди, да и Анжуйская династия проявляла большой интерес к этим землям — II, 7; III, 9; IV, 3, 9; X, 7). По другую сторону Средиземноморья — Африка, которая страшила и привлекала европейцев; более четко очерчены в „Декамероне“ Тунис и Александрия, Мекка наших купцов (IV, 4; V, 2; I, 3; II, 6, 7, 9; VIII, 2; X, 9). Еще дальще — сказочный Восток Саладина, известный благодаря крестовым походам, край больших надежд, а чаще — разочарований для наших купцов, шедших всякий раз вслед за крестоносцами, но гораздо более цепко, чем они, державшихся за те бесценные аванпосты необозримой, богатейшей Азии, которые удавалось захватить (Родос, Крит, Хиос, Кипр, Смирна, Акри, Антиохия, особенно древний город Исс, куда, как пишет Марко Поло, привозят „всевозможные специи, парчу и другие ценные товары и купцы... со всех стран съезжаются“); Исс был важным торговым центром, где сходились пути из Сирии, Египта, Персии и Армении, а с армянским царем Барди как раз заключили через посредство Франческо Пеголотти ряд выгодных соглашений (ср. I, 9; II, 4, 7; V, 1; X, 9; II, 7; II, 9; X, 9; V, 7; IX, 9 и т. д.)⁸.

Интерес Боккаччо к географии подтверждается еще и такими сочинениями, как „De Canaria“ („О Канарских островах“) и „De montibus, silvis, fontibus, lacubus, fluminibus, stagnis et paludibus et de nominibus maris“ („О горах, лесах, источниках, озерах, реках, прудах и болотах и о названиях морей“), и отражает в оригинальной, неповторимой форме стремление наших купцов на рубеже XIII—XIV веков проникнуть в неизведанные страны, на новые рынки. Все страны, куда проникли эти настойчивые и дерзкие конкистадоры, не только точно обозна-

чаются, но и претерпевают своеобразное преображение в „Декамероне“ Боккаччо, этой чудесной „книге купцов-мореплавателей“.

* * *

Раздвинулись прежние географические рамки, и открылись новые, необъятные пространства — шире и богаче стал человеческий мир, смело изображенный художником в пестрой серии зарисовок, воплощающих замысел и основную тему его „комедии“, где бесстрашные фигуры купцов занимают центральное место главных героев. В поисках живых, веских примеров (как положительных, так и отрицательных), подтверждающих великие, общечеловеческие истины, на которые опирается „Декамерон“, писатель, естественно, обращается к выходцам из той среды, которая, по словам Ренана,* преподала в истории „самый великий пример энергии и воли“.

В новеллах I дня, где сурово порицается порок, безудержная алчность Францези, расчетливая нечестивость Шапелето, мелочная сквердность Эрмино де Гимальди добавляют мрачные тона и зловещие тени к полемически заостренному изображению новоиспеченных магнатов своего века. Одновременно с этим благоразумная предусмотрительность Мельхиседека и Абраама, житейская мудрость Джаннотто и купца, преследуемого инквизитором, резко высвечивают жадность власть имущих. Последние постоянно заряжаются на добро ближнего, тогда как купцы, известные своей изощренной осторожностью, научились на протяжении веков с помощью интриг и уверток их обманывать. Все эти новеллы являются своего рода прелюдией, в которой самые яркие и запоминающиеся образы принадлежат именно купеческой среде; после чего следует диптих с изображением Судьбы (II и III дни), где в живых, ярких картинах она выступает то в роли повелителя человека, то в роли его слуги. Не случайно, что и среди персонажей диптиха особенно много купцов, способствовавших экономическому господству Италии. Начиная с фигуры зубоскала Алессандро Аголанти, который прочно держит в руках торговлю в городе Тревизо, и кончая очерченным несколькими точными штрихами кружком итальянских купцов, которые собрались после ужина у очага в закопченной, пропахшей вином таверне и оживленно, не стесняясь в выражениях болтают, Боккаччо создает

целую галерею ярких, выразительных портретов, импрессионистических зарисовок знакомой до тонкости среды. В новеллах II дня они, сменяя друг друга, проходят грандиозной чередой в историях из жизни купцов. Вот несколько простоватый, но зато благочестивый купец Ринальдо д'Эсти. Он отправляется из Эмилии в Венето, по дороге с ним случаются самые неожиданные беды, но в конце концов благодаря своему патрону св. Юлиану он обретает надежный приют. Вот находящиеся постоянно в разъездах между Флоренцией и Англией братья Ламберти с их переменчивой судьбой, в которой за банкротством следует неожиданное богатство. Вот истории двух неосторожных и опрометчивых юношей Ландольфо и Андреуччо, которые оканчиваются счастливо, но после того, как судьба сыграет с каждым из них злую шутку. А вот невероятные горестные скитания Алатиэль, повествование о которой благополучно завершается в духе веселого купеческого лукавства и осмотрительности. И наконец, в последней новелле II дня возникает написанная в мажорных тонах картина Монако, где пиратам — раздолье, а купцам — мытарства (ср. также VIII, 10). Таким образом, все новеллы II дня, за исключением 8, отмечены печатью купеческого быта. Купеческая эпопея развивается и в новеллах III дня, где показаны и негодование родовитой женщины, которую выдали замуж за богатого ремесленника (III, 3); и благоразумная осторожность Щеголька, который умело сыграл на склонности дворянина из рода Верджеллези; и путешествие на Восток флорентийского патриция Тедальдо делы Элизеи, который стремится забыть о своей любви. Создается впечатление, что конфликт между человеческим Разумом и Судьбой служит Боккаччо для того, чтобы раскрыть близкую ему тему — тему противопоставления благородства, дарованного случаем, и благородства, обретенного в постоянной борьбе, когда человек перед лицом самых неожиданных и серьезных испытаний не теряет своего достоинства и целеустремленности. В поисках героев драматического конфликта между человеком и Судьбой Боккаччо обращается к среде горожан и купцов, что свидетельствует о новом горячем интересе к ней в ту эпоху. Ведь средневековая культура в подобных случаях обычно использовала в качестве поучительных примеров деяния королей, принцев, рыцарей, их военно-политические и гражданские удачи и неудачи — на этом материале Боккаччо

строит свое произведение „О злоключениях знаменитых мужей“.

Очевидность, точнее, сила, с какой переживания и впечатления молодости, проведенной в купеческом мире, влияют на воображение Боккаччо, в еще большей степени ощущается в следующем диптихе, диптихе любви, где проявляется высочайшее благородство человека или его непристойная низость (новеллы IV—V дней). И если примеры из бурной жизни купцов могли, даже вопреки средневековой традиции, показаться уместными в предыдущем диптихе, то при трактовке любовной темы обращение к этой жизни могло быть необоснованным. И тем не менее именно из среды зажиточных горожан выбирает Боккаччо для новелл IV—V дней таких героев, как отец и сын Бальдуччи — агенты Барди, выведенные в знаменитом апологе, что содержится во введении к IV дню,— знатные венецианские купцы из „дома Квирино“, которые торгуют с Фландрией, и честные купцы из Прованса, наподобие Чивады странствующие по Испании, флорентийские Сигьери, жители Липари, промышляющие пиратством, сицилийцы и генуэзцы из повелл о Джанни и Теодоро. Более того, и в великой симфонии любви и смерти, что звучит в новеллах IV дня, и в музыкальной комедии с ее праздничным характером, что разыгрывается в новеллах V дня, самые благородные и страстные героини Боккаччо принадлежат именно к тому миру, о котором не ведали ни стильновисты, ни Петрарка. Невозможно забыть Лизабетту, которая замыкается в своем беззвучном плаче и умирает; Симону, которая по-детски беспечно бросает свою жизнь, как цветок, на могилу возлюбленного; Джироламо и Сальвестру, которых неразрывно связала друг с другом любовь, а позднее — внезапная смерть; Костанцу, которая дрожит и трепещет перед лицом неведомого, но все равно бросается вслед за возлюбленным. Хрупкое очарование этим героянам Боккаччо во всей их уязвимости и незащищенности придает как раз темный фон — мир денег, где царят алчность, неумолимая жестокость экономической выгоды. Красота этих геройнь безыскусственная: не броская, почти болезненная,— но они привлекают нас куда больше, чем надменные, разукрашенные дамы из феодальной знати. И уж конечно скромные геройни не уступают этим дамам в благородстве и смелости чувств.

До сих пор в купеческой симфонии „Декамерона“ зву-

чали, хотя и всегда слаженно, лишь отдельные группы инструментов. Весь оркестр вступает тогда, когда начинается обширный триптих торжествующего Разума (новеллы VI, VII, VIII дней). В средневековых произведениях, затрагивавших эту тему, действовали представители самых различных классов (от воинов до политических деятелей, но особенно часто — от ученых мужей до студентов). Боккаччо же в начале триптиха превозносит учтивость, скрывающую духовное превосходство скромного пекаря Чисти над нобилями и магнатами, а в конце (VIII, 10) изображает мир циничных мошенников, в котором живут Салабаэтто и Каниджано. Но всюду он явное предпочтение отдает персонажам, среде, темам, связанным с новым правящим классом. Было бы слишком долго и утомительно приводить примеры, это и так очевидно. К тому же на это неоднократно указывалось, хотя и в других ракурсах. Достаточно напомнить, как в центре триптиха в гротескной инвективе, с которой теща обрушивается на своего зятя, „купчишку из ослиного деръма“, находит замечательное разрешение геронко-комический конфликт между нобилями и купцами: в нем как бы слышится в плебейском ключе дантовское презрение к „торгашам и менялам“ (VII, 8).

Затем после паузы, которую заполняют новеллы IX дня (с одной стороны здесь — утонченные и преусиевающие купцы из Флоренции, с другой — нищие торговцы из Апулии; см. IX, 8, 10), следует настоящий пантеон человеческих добродетелей. Туда Боккаччо помещает приукрашенных героев прошлого и, естественно, идеализированных представителей того мира, который он первым сделал достоянием искусства. После благородного благородства и тонкой осмотрительности Джильберто, после страдающей от безнадежной любви Лизы и новеллы о Натане и Митридане перед нами возникает самый возвышенный, аристократический образ купца „умного и речистого“ в новелле о Торелло.

Так, через всю сложнейшую готическую архитектуру „Декамерона“ с ее двойными и тройными аркадами проходит непрерывной константой купеческая тема, придающая динамику и ценность его тщательно обдуманной композиции. Если бы Боккаччо не обратился в „Декамероне“ к миру купцов, который до него в литературе не изображали; если бы он не воссоздал его неповторимую и яркую жизнь с помощью выразительного языка, насыщенного

словами и выражениями из обихода самих купцов, „Декамерон“ не обладал бы ни электризующей силой „образца“, ни своей убедительной многогранной человечностью. Книга не смогла бы на исходе Средневековья в Италии стать поэтическим воплощением своей эпохи, если бы не прославляла людей, которые глубоко повлияли на культуру своего времени, поставили ее в центр европейской жизни.

Этот аспект — вернее, достоинство книги, — сразу же бросающийся в глаза, как только мы подходим к ней в свете нравов и обычаев средневекового общества и вдохновивших ее идей, открывает перед нами содержание многих новелл с самой неожиданной стороны, призывает нас перечитать в определенном, „купеческом“ ключе эту насыщенную, динамичную комедию с ее извечным героем — Человеком, которая разыгрывается в эпоху, необычайно богатую жизненной энергией и высочайшими проявлениями гражданственности.

Наш скорее поверхностный, чем углубленный, анализ позволил выявить купеческую филигрань в напоминающих „плутовской роман“ новеллах об Андреуччо из Перуджи и Салабаэтто (II, 5; VIII, 10), где события излагаются скрыто и недвусмысленно. То же начало присутствует и в других новеллах, хотя, вполне понятно, развивается там иначе, как, например, в новелле о приключениях в Англии купцов Ламберти (тесно связанных с торговым домом Барди), завершающихся сказочным апофеозом (II, 3)*. Можно напомнить в этой связи и яркую, динамичную картину циничной компании купцов, которые — как показывает создание *Universitates mercatorum* (общин итальянских купцов)* — в качестве друзей-врагов всегда выступали заодно и всегда друг против друга на больших ярмарках Франции, в богатых городах Италии, на сказочных рынках Востока. Сюда же следует отнести и новеллы об унизительной, ищущей жизни, которую влачили мелкие торговцы из Апулии, настоящие изгои предпринимчивого и могущественного класса купцов (IX, 10). В этих и многих других новеллах следы кунеческой культуры проступают для нас со всей ясностью, чуть ли не наглядностью. Прочтение новелл „в купеческом ключе“ становится особенно убедительным и впечатляющим, когда речь идет о хорошо известных текстах, которые в прошлом исследовались с иных позиций.

Влюбленная Лизабетта из Мессины грустно грезит о своем возлюбленном, безмолвно его оплакивает и так же безмолвно умирает. Ее мечты поэтично-трепетны и печальны, они словно нежнейший, благороднейший цветок в этой мрачной среде беспощадного практицизма тосканских купцов¹⁹ — братьев Лизабетты, которые думают только о торговле и наживе. Им и в голову не приходит, что сестра уже на выданье, что она томится в сладостном ожидании любви и что молодость ее скоро отцветет. Душевые порывы человека, его сердечные волнения не совместимы с черной корыстью и практическим расчетом, способными загубить всякое чувство. Из этого противоречия рождается трагическая и элегическая тональность новеллы. Глубина его подчеркивается тем, что героиня новеллы принадлежит к классу „хозяев“, а ее возлюбленный — всего лишь бедный „приказчик“. Их любовь встречает преграды, неуожинительно регламентирующие жизнь „торговых домов“: подобный союз может отразиться на торговой репутации, повредить делу. Поэтому братья Лизабетты без колебаний решают покончить с Лоренцо, как будто речь идет о необходимой торговой операции. („...братья долго держали совет и наконец порешили... замять это происшествие ... а затем, при случае, когда можно будет это сделать без вреда и ущерба для себя, искоренить позор, пока он еще не принял размеров угрожающих“.) Они беспокоятся не о судьбе сестры, а заботятся лишь о том, чтобы все обделать „без вреда и ущерба для себя“ („...и взяли его [Лоренцо] с собой. Когда же они зашли в места пустынные и отдаленные, то, воспользовавшись удобным случаем, убили... Лоренцо и тайно похоронили его“) (IV, 5). Беспокойство Лизабетты, которая „все чаще и все настойчивее“ спрашивает о Лоренцо, наталкивается на непроницаемую стену молчания. Лишь мрачным эхом звучит смутная угроза братьев („Ужо еще раз спросишь — и мы тебе ответим так, как ты того заслуживаешь“). Уделом Лизабетты отныне становятся леденящие душу одиночество и тоска; она ищет прибежища в тревожных фантазиях, в навязчивых видениях и наконец совершает страшный поступок. („...она лишь постаралась отделить ножом голову от туловища... Затем взяла один из тех больших красивых цветочных горшков... завернула голову в красивое полотенце и положила ее в горшок, а сверху насыпала земли и посадила несколько отростков чудного салернского базилика, и по-

ливала она потом этот базилик розовой водой, померанцевой водой или же своими слезами“.) В конце концов Лизабетта, словно шекспировская Офелия, впадает в тихий безутешный бред. Последним, завершающим аккордом этой истории становится смерть. Финальная элегия любви и смерти, скорбная и спокойная, кажется особенно целомудренной и трогательной на фоне расчетливости и черствости братьев Лизабетты, которые даже не замечают, что их сестра впадает в тихое помешательство, не замечают до тех пор, пока не возникает угроза их интересам. („Братья пришли в крайнее изумление; боясь огласки, они украдкой закопали голову[Лоренцо], а затем, устроив свои дела, тайно перебрались из Мессиня в Неаполь“.) Братья Лизабетты озабочены лишь тем, как устроить свои дела, сестра далека от их мира — и будет предоставлена собственной судьбе, раз она пошла наперекор неумолимым законам своего круга. Тема новеллы — печальноеувядание и гибель цветка любви среди зачарствелых душ, в мире, где господствуют „торгашеские законы“.

Изображая могущественный и деятельный класс купцов, Боккаччо зорко подмечает в его духовном мире новые черты. Здесь, как нигде, чувства, страсти, даже нравственные, гражданские, политические законы могут подчиняться „торгашеским законам“, которые столь же тверды и неумолимы, как два века спустя — „высшие интересы государства“. Эти люди обладали настолько могущественной властью, что законы для них „были... только удобной ширмой. Обходя их и прикрываясь ими, они могли развивать и свою деятельность, что вела их прямо к цели“. А когда „закон, который они же перед тем искусно создали, случайно обворачивался для них препятствием или же когда невозможно было скрыть или оправдать нарушение закона, они не долго думая убирали со своего пути возникшее препятствие без лишних церемоний“¹¹.

Мир купцов у Боккаччо озарен светом холодным и зловещим (но грандиозным и почти космическим). Не случайно поэтому он начинает свое произведение с истории, в которой господство „торгашеских законов“ является наиболее полным, безжалостным, даже бесчеловечным. Я имею в виду новеллу о сере Чеппарелло, в которой различные критики слишком часто усматривают или только кощунственную насмешку над культом святых, или портрет исключительного лицемера и мошенника¹². Но от исследователей

ускользает то, что в основе новеллы лежит обостренное изображение тяжелейшей жизни итальянских купцов и откупщиков во Франции; этих мучителей, на которых местное население постоянно готово выместить свой гнев. Купцы, словно конкистадоры в чужих землях, жили среди множества опасностей. Вспомним, какой ужас и смятение охватывают двух флорентийских ростовщиков (I, 1): они хорошо знают о той затаенной злобной враждебности, которая неизбежно сопутствовала и угрожала итальянским купцам во Франции. Отразились в новелле и страшные отблески погромов и избиений, которым во Франции подвергались итальянские купцы (1277, 1299, 1308, 1311, 1312, 1329 годы и т. д.). А в язвительном прозвище „эти псы ломбардцы“ слышатся отголоски проклятий и насмешек, которыми сопровождались упоминания о наших купцах в повседневных разговорах, в песнях и хрониках („Ломбардцы большие ловкачи... предатели они и обманщики... они пожирают не только людей и домашних животных, но и мельницы, замки, поместья, луга, рощи и леса... в одной руке у них листок бумаги, в другой — перо; с их помощью они обирают жителей как липку и наполняют их серебром свои кошельки... они жиреют на нуждах других, и сами они как волки, что пожирают людей“)*. Теперь понимаешь, что поступками героев этой новеллы руководит абсолютная необходимость не допустить, чтобы в их неумолимой тирании образовалась хоть малейшая трещинка, чтобы от чудовищного и великолепного исполина на глиняных ногах, каким, по существу, являлось их господство, откололась хоть одна кручинка глины — иначе могло рухнуть в бездну не только их владычество, но и они сами.

Этот железный закон бросает зловещий свет и на портреты персонажей. Мушьянто Францези, человек расчетливый и „весыма коварный“ (Компаны), без колебаний посыпает навстречу опасности своего бывшего не у дел старого и большого друга — лишь бы укрепить свое господство в Бургундии, лишь бы всеми средствами удержать в узде этих „бургунцев... несговорчивых, злонравных и бесчестных“, когда приходится платить тяжелейшие поборы. Флорентийских ростовщиков, что приютили у себя Шапелетто, волнуют только их дела и ущерб, который они могут понести. Меньше всего они думают о болезни гостя, о его смерти, о том, что его ожидает ад (слова, завершающие сцену святотатственной исповеди, поистине бесчеловечны, они

обрекают несчастного Шапелето на мрак смерти: „Узнав, однако же, что его обещали похоронить в монастыре, братья успокоились“). Исповедь Шапелето — случай крайний; он сознательно губит свою душу, лишь бы не пострадало господство итальянских банкиров в Бургундии, лишь бы не идти наперекор «интересам торговли», и только этим руководствуется, когда, будучи при смерти, он, человек верующий (а не скептик, как утверждали некоторые), решается на ложную исповедь. Потому-то так и восхищаются братья-ростовщики его неслыханным богохульством в духе дантовского Капана, его сверхчеловеческой — а вернес, бесчеловеческой — силой (... они говорили друг другу: „Каков! Ни старость, ни болезнь, ни ужас близкой кончины, ни страх от сознания, что через какой-нибудь час он предстанет перед судом божиим, — ничто не в состоянии исправить порочный его нрав...“). В ином свете открывается нам знаменитый портрет Шапелето, нарисованный в самом начале новеллы только в мрачных тонах и сопровождающийся угрюмым и язвительным перечислением пороков героя: это не ораторский прием и не стремление блеснуть мастерством, а необходимое вступление, которое логически подводит нас к чудовищному в своей расчетливости кощунству, лежащему в основе новеллы. Оно как бы уже предваряется теми бросающими в дрожь словами, которые завершают мрачное описание Шапелето, словами, в которых слышатся отголоски евангельского проклятия Иуде („Худшего человека, чем он, может быть и не родилось“). — Пер А. Василевского). Вся кощунственная исповедь подчинена этому вступлению: Шапелето и самого в какой-то миг увлекает насмешливая и грандиозно-нечестивая игра — сложное развитие всех мотивов, намеченных во вступлении. В заключение игры дважды появляются интонации ужаса (это слова братьев, которые уже приводились, и то место, где Шапелето представляется братьям-ростовщикам „в когтях дьявола, на вечную муку осужденным“).

Дело в том, что отношение Боккаччо к господству „торгашеских законов“ неопределенно: лишь иногда (образы Мушьянто и сера Чеппарелло) он рисует его в мрачных тонах и осуждает. Нерешительность, растерянность, смятение и ужас испытывал и Данте, когда видел Франческу и Паоло, когда думал о том, как велика страсть героев и как обстоятельства подтолкнули их к вечной гибели („Скорбящих теней сокрушенный зритель...“). Об этих же чувствах

говорит вскользь Боккаччо в „Чтениях“ (V, 1). Складывается впечатление, что Боккаччо, создавая свою новую, купеческую эпопею, одновременно сознает ограниченный характер нового общества, точнее, антигуманные черты поведения сильных людей, строящих новое общество. Сознание этого и позволяет Боккаччо взглянуть на вещи со стороны, удерживает его от холодных похвал и славословия. Оно позволяет художнику в его грандиозных полотнах широко использовать светотень, при этом он понимает — может быть, оттого и страдает,— что в мире существуют противоречия, безжалостная черствость и роковая необходимость, на которые опиралась в своем господстве над Европой горстка людей. Поэтому, с одной стороны, Боккаччо рисует удивительные, необыкновенные приключения Ламберти в Англии и Тедальдо и Торелло — на Востоке (их облагораживает свет высокой куртуазной любви); изображает великолодушными и смелыми Мартуччо и Ландольфо (их имена традиционно связывают с великими произведениями искусства); показывает, как в тонких, изящных ответах проявляется ум его персонажей: Мельхиседека, Чисти, Салабаэтто, Пьеро Каниджани. С другой стороны, Боккаччо показывает, что действия и поступки человека диктуются самыми бездушными „интересами торговли“. В соответствии с особенностью своей повествовательной манеры Боккаччо выбирает для „Декамерона“ фигуры, наглядно воплощающие жестокость и бездушие,— это братья Францези (и их агенты по сбору десятин и других налогов во Франции). В представлении людей того времени и флорентийских купцов-хронистов (Компаньи, Виллани и др.) Францези слыли дельцами, которые достигли вершин своего могущества, поправ совесть, гражданские и нравственные установления; они в своем коварстве дошли до того, что убедили Филиппа Красивого стать фальшивомонетчиком и даже попрали закон традиционной взаимовыручки, царивший среди итальянских купцов¹³. Боккаччо с искренней симпатией, яркими красками изображает те качества купцов, которые его так восхищали: молодецкую лихость, смелость первооткрывателей, бесшабашную удаль. В новелле о Шапелето Боккаччо показывает, как эти положительные качества могутискажаться и вырождаться в порок и жестокость. Это предел человеческого злодейства, в котором есть нечто сатанинское, как в некоторых дантовских персонажах от Капанея до Ванни Фуччи; оно может посеять в душах смя-

тение, но отнюдь не вызвать восхищение. Можно подумать, что Боккаччо изображает зловещую, мрачную личность Шапелето как поучительный пример, оттеняющий традиционный образ купца мудрого и осмотрительного. Шапелето в конце своей злодейской жизни решается на самое большое кощунство, тогда как мудрый и осмотрительный купец — а таким этот персонаж выводится в различных новеллах „Декамерона“ — спокойно заканчивает свою многотрудную жизнь: на смертном одре он молился, каялся в своих прегрешениях и оставлял церкви по завещанию крупные суммы. Кончина торгового агента братьев Францези выглядит бесовской пародией на кончину видного представителя первой, счастливой поры активности купечества — Скалья Тифи. Он был доверенным лицом императоров и французских королей, он заправлял финансами и торговлей в Бургундии и там же — как сер Чеппарелло — тяжело заболел. Как только это случилось, Скалья Тифи тотчас же позабочился о том, чтобы составить благочестивое завещание, затем распорядился, чтобы его отнесли в церковь св. Духа в Безансоне и, как св. Франциска, положили голым на землю. Там, в окружении молящихся монахов, сложив на груди руки крестом и устремив взгляд к небу, он встретил свою смерть в полном умиротворении.

Можно предположить, что, показывая в зловещих портретах сера Чеппарелло и Мушьянто Францези крайнее воплощение человеческого злодейства, Боккаччо ощущает в какой-то степени ограниченный характер того движения, которое стоит у истоков капиталистического уклада общества; ощущает тем отчетливее, чем больше пафос первооткрывателей, покорителей новых земель подменяется жаждой максимальных барышей и легкой наживы, что становится единственным законом и движущей силой нового общества. Грандиозные героические устремления итальянских купцов, покоривших Запад и Восток, но умевших подчинять свои интересы общему благу вплоть до самопожертвования во имя высоких идеалов родины и крестовых походов¹⁴, как будто утрачивают свое величие и вырождаются в алчность и склонность. Уже в „Филострато“ (III, 38), в „Филоколо“ (IV, 106), „Амето“ (XXV) и „Любовном видении“ (XII и т. д.) Боккаччо гневно обличает эти пороки, которые никак не совместимы с благородством и другими человеческими достоинствами. Но если в ранних произведениях презрение к жадности и склонности является только данью литератур-

ной традиции, то в „Декамероне“ это чувство становится более глубоким и достоверным благодаря настойчивому стремлению Боккаччо постичь сущность человека и его возможности; новеллы об Эрмино де Гримальди (I, 8), Верджеллези (III, 5), Дьего де Ла Рате (VI, 3), Вольфарде (VIII, 1), где особенно сильно обличаются жадность и скопость, проникнуты сознанием того, какую опасность для общества представляют ненасытная алчность и скопидомство („Любостяжанию, развившемуся... вместе с богатством... изгнавшему... хорошие и похвальные обычай“.— VI, 9). Франческо ди Марко Датини*, один из самых видных купцов, писал примерно в то время: „Богу угодно, чтобы во всем была мера, ибо его вечная справедливость не приемлет ничего чрезмерного“¹⁵. Это убеждение в более поздних сочинениях Боккаччо: в „Корбаччо“, в письмах к Нелли* и Магинардо*, в трактате „О злоключениях знаменитых мужей“ (III, I) — становится глубже, приобретает моральную окраску, а на страницах „Чтений“ („Божественной комедии“ Данте) превращается в стройную систему взглядов, в которой нетрудно уловить отголоски эпических действий купцов, восславляемых в „Декамероне“¹⁶.

Впрочем, в „Декамероне“ то же убеждение Боккаччо дает о себе знать и в ужасающем описании чумы: „... по нашим грехам посланная праведным гневом божиим на смертных...“ Здесь Боккаччо лишь повторяет распространенное среди его современников мнение, которое воспроизводят в той или иной степени такие известные купцы, ставшие авторитетными хронистами, как Стефани* и Виллани. Боккаччо повторяет общее мнение и тогда, когда не колеблясь указывает среди прочих воцарившихся грехов „стяжательство“ и другие корыстные побуждения, безжалостно попирающие самые святые узы дружбы, семьи, религии.

Триумф смерти и божественного гнева вместе с грустью по поводу того, что больше нет стольких „пышных дворцов... красивых домов... знатных родов... богатых наследств огромных состояний“, завершает лирическое отступление,держанное и строгое. Мы ощущаем в нем взволнованность элегической скорби, искреннюю тоску и удрученность от того, что гибнет богатая и грандиозная культура, и это заставляет нас вспомнить Тассо. Гибла культура, созданная усилиями первого поколения наших великих купцов: ее упадок начался во время кризисов, пережитых обществом еще до чумы 1348 года. Ужасная эпидемия резко ус-

корила неумолимый ход событий. Завершается время первоходцев, которые на рубеже XIII—XIV веков положили начало грандиозной экспансии итальянской торговли в европейских странах, в Западном и Восточном Средиземноморье. Подошла к концу славная, героическая пора, когда лучшие представители нового класса буржуазии проектировали путь в новые земли. Они стремились, конечно, к наживе, но при этом были движимы и жаждой странствий, и человеческим благородством. И, как Боккаччо восхищенно пишет в одном из своих писем, купцы действительно несли с собой культуру. Без оружия, без насилия они проектировали путь прогрессу и на деле служили не „интересам торговли“, ставшим антигуманными, а высокой, гуманнейшей норме, с которой начинается одно из купеческих уложений: „Сколь ни мало предприятия, его нельзя начинать или заканчивать, коли нет трех условий: когда нет в тебе силы, знания или благожелательности“. Из этих благородных людей вышел авангард новой европейской и средиземноморской общности. Они тонко и точно могли оценить различные ситуации и мировую конъюнктуру, всегда готовы были использовать самые нелегкие пути и возможности для расширения торговых связей, что открывались для них. Даже в крестовых походах и нашествии монголов использовалось все, что способствовало процветанию торговли, благосостоянию и могуществу родных коммун¹⁷. Среди этих людей, воплотивших в себе такие качества, как предприимчивость, неутолимое стремление видеть новые страны и новых людей, были Марко Поло, Гвидо и Уголино Вивальди*, Никколо Аччаюоли.

Как раз на закате этого общества, которое в осеннюю пору Средневековья создает предпосылки нового культурного и общественного уклада, когда героика странствий постепенно сменяется большей осмотрительностью и обстоятельностью, Боккаччо и создает свою многогликую и человечнейшую „комедию“. Он тонко чувствует, как возможности этого „грандиозного движения“, так и его пределы. И тем не менее он не перестает восхищаться сильными, необыкновенными людьми и с тоской вспоминать об их жизненной энергии. Эти пылкие, смелые люди, постоянно стремившиеся к новым горизонтам, стойко переносящие удары судьбы, по-юношески уповающие на свои силы и судьбу, обретают в лице Боккаччо своего рапсода, своего вдохновенного сочинителя. Эпопея, возникшая в осеннюю пору

итальянского Средневековья, не могла пройти мимо грандиозных свершений самых смелых предвестников современного общества — она непременно должна была стать песней о героических деяниях этих рыцарей торговли.

¹ Когда я говорю „купец“, я имею в виду „mercator“, понятие более сложное, чем то, которое в современном языке вкладывается в понятие „купец“. Пока в экономике еще не было достаточно точной дифференциации, деятельность купца носила самый различный характер: он был заемодавцем и банкиром, торговцем и промышленником, сборщиком налогов и пошлин. (Saporì, „Mercatores“, op. cit., p. 6.)

² Великий „поход“ итальянских купцов получил в течение последних десятилетий освещение в ряде работ Армандо Сапори, где можно обнаружить и большой фактический материал, и тот особый „разум любви“, который всегда отличал ученого. См. его: „La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi“, Firenze, 1926; „Una compagnia di Calimala ai primi del Trecento“, Firenze, 1932; „I libri di commercio dei Peruzzi“ a cura di A. S., Milano, 1934; „Mercatores“, Milano, 1941; „Studi di storia economica medievale“, Firenze, 1956; „I libri della ragione banaria dei Gianfigliazzi“, a cura di A. S., Milano, 1946; „Le marchand italien au Moyen Age“, Paris, 1952.

³ Эти цитаты взяты из двух работ Сапори: „Studi“, p. 1098; „Le marchand“, p. XXXV. См.: C. M. Cipolla „Money, Prices and Civilization“, Princeton, 1955.

⁴ B. Chiurlo „Per Chichibio „bergolo viniziano“ e per „i viniziani tutti bergoli“ in „Atti Ist. Veneto“ XC VIII (1939); V. Branca „Boccaccio e i veneziani bergoli“ in „Lingua nostra“ III, 1941.

⁵ Как известно, в XIV веке такие слова, как „ломбардец“, „Ломбардия“, обладали более широким, чем теперь, „географическим“ значением. См.: G. Piton „Les Lombards en France et à Paris“, Paris, 1892—1893; а также „Декамерон“ (I, 1): „Эти псы ломбарды“ — говорится о двух флорентийских братьях-ресторанщиках.

⁶ См.: A. Hortis „Cenni di G. Boccaccio attorno a Tito Livio“, Trieste, 1887; C. Ricci „I Boccacci e il Boccaccio a Ravenna“ in „Miscellanea Hortis“, Trieste, 1910; Id., „I Boccacci di Romagna“ in „Miscellanea Storica della Valdelsa“, XXI, 1913; F. Torraca „Cose di Romagna in tre egi ghe del Boccaccio“ in „Atti e Memorie della R. Dep. di Storia Patria per le Romagne“, S. IV, II, 1912; G. Billanovich „Petrarca letterato“, pp. 86, 181, 201, 208 ss.

⁷ Было бы интересно попытаться восстановить эту „легенду“, свидетельствующую об огромной славе Боккаччо и естественных изменениях, которым подверглись его произведения. Она могла бы стать

поучительным примером того, что воображение ученых и простого народа может развиваться в одном русле. Мы бы увидели, как Боккаччо, словно новый Риальдо д'Асти, выезжает „из Феррары, направляясь в Верону“, и проводит весьма приятную ночь в Кастель Гвильельмо „в одном старом доме, что и поныне виднеется на территории Замка“ и на который все пальцем указывают (Р. Mazzucchi „Memorie storiche di Castelguglielmo“, Badia Polesine, 1903, p. 7). Все это объясняется просто. В новелле чрезвычайно точно, словно Боккаччо сам „здесь“ был, обозначены дороги, каналы; нарисована исторически верная картина упадка этого края в период войны за Полезино в правление Аццо VIII. Если верить легенде, Боккаччо был несчастлив в любви в Равенне и обрушил на отвергнувших его женщин стрелы литературной полемики (V, 8; см.: Borgognoni in „Domenica letteraria“, III, 1881, p. 13); „автобиографический“ характер в известной степениносит и история Пьетро ди Винччоло из Перуджи (V, 10; см.: Manzi «Istoria del „Decameron“», p. 638 ss.).

⁸ См.: W. Heyd „Storia del commercio del Levante nel Medioevo“, Torino, 1913; J. Hatzfeld „Trafiquants italiens dans l'Orient hellénique“, Paris, 1919; G. M. Monti „Le Crociate e i rapporti fra Oriente mediterraneo e Occidente europeo“, Rodi, 1936.

⁹ Помимо общих работ, на которые мы уже ссылались, см. также: A. Saporì „Le compagnie italiane in Inghilterra“ in „Moneta e credito“, VIII, 1949.

¹⁰ Я уже отмечал, что в Мессине — флорентийцы осаждали этот город вместе с арджуйскими войсками — находилась колония купцов из Сан-Джиминьяно, жили там братья Лизабетты. Дела этих купцов шли, по-видимому, неплохо, поскольку к ним в 1296 году Карл II обратился за помощью против врагов, защищая тем самым и их собственные интересы (S. Giminiano, Arch. Useppi, Libro di Provvisioni, N 23). Было замечено интересное совпадение: некоторые купцы из Сан-Джиминьяно, Ардингелли в середине XIV века переселились из Мессины в Неаполь, как братья Лизабетты, а точнее — как многие другие („Nel VI centenario della nascita di G. Boccaccio“, Poggibonsi, 1913).

¹¹ См.: Saporì „Studi“, op. cit., p. XIX; Saporì „Mercatores“, p. 97.

¹² К анализу и интерпретации повеллы о Шапелето следует добавить то, что было сказано раньше.

¹³ Compagni, II, 4; Villani, VII, 147; VIII, 56. Полагают, что именно Мушьянто убедил Филиппа Красивого подделать монету и поживиться за счет итальянских купцов.

¹⁴ См.: Saporì „Le Marchand italien“, p. XII ss., XLIX ss.

¹⁵ Lapo Mazzei „Lettere d'un notaro a un mercante del secolo XIV“,

в cura di Cesare Guasti, Firenze, 1880, II, p. 142.

¹⁶ „Esposizioni“ VII, 58 ss.; III, 11, 25 ss.; „Lettera a Pino, p. 179; „Decameron“, X, 3, 31 ss., X, 8, 112.

¹⁷ См.: Saporì „Studi“, p. 533, особенно р. 155 ss., 619 ss., 1013 ss. Об этом очень много говорит Ренуар. См., в частности, его статью „Le rôle des hommes d'affaires italiens dans la Méditerranée“ in „Revue de la Méditerranée“, XV, 1955; а также ставшими классическими работы R. Grousset „L'empire des steppes“, Paris, 1939; R. Grousset „L'empire du levant“, Paris, 1949 (особенно р. 575 ss.).